

DOI 10.21672/1818-510X-2019-59-2-183-191

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Саракаева Ася Алиевна, кандидат филологических наук
Хайнаньский государственный университет
Китай, 570100, провинция Хайнань, г. Хайкоу, Мэйланцю, пр-т Жэнминь, 58
E-mail: asia-lin@mail.ru

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент
Каспийский институт морского и речного транспорта
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Настоящая статья представляет собой попытку историко-культурологического и политологического анализа средневековой германской эпической поэмы «Песнь о нибелунгах». Авторы рассматривают социальное происхождение и политические статусы правящих элит, описанных в поэме, и устанавливают корреляцию между социальным составом правительств и их политическим *modus operandi*.

Ключевые слова: «Песнь о нибелунгах», средневековое государство, короли, вассалы, министерiales, выработка политических решений, вассалитет, совет

THE ANALYSIS OF POLITICAL ELITES IN «DAS NIBELUNGENLIED»

Sarakaeva Asia A., Ph. D. (Philology), Associate Professor
Hainan State University
58 Zhenmin St., Meilanqu District, Haikou, Hainan Province, 570100, China
E-mail: asia-lin@mail.ru

Lebedeva Irena V., Ph. D. (Sociology), Associate Professor
Caspian Institute of Sea & River Transport
6/14 Nikolskaya St., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

The article is an experience in historical, cultural and political analysis of the medieval German epic «Das Nibelungenlied». The authors study the social origins and political status of the ruling elites as described in the epic, and single out a correlation between the social composition of the governments and their respective political *modus operandi*.

Keywords: «Das Nibelungenlied», medieval state, kings, vassals, ministerials, political decision-making, vassalage, advice

Созданная на рубеже XII и XIII вв. немецкая поэма «Песнь о нибелунгах» – уникальный феномен в мировой культуре, произведение, сочетающее воедино древние легенды и индивидуальный авторский замысел, факты раннесредневековой истории и общественно-бытовые реалии Высокого Средневековья. Это эпическая поэма, то есть в отличие от куртуазной литературы, она базируется на ценностях и апеллирует к чувствам всей нации как культурной общности, а не только её социальной верхушки [13, с. 143], тем не менее, все её персонажи без исключения принадлежат к правящим классам: они или короли, или могущественные вассалы. И вот именно эта элитарность героев «Песни о нибелунгах», их приверженность альтернативным (но в равной степени – элитарным) этическим системам, зачастую не позволяет читателю заметить, что на самом деле состав персонажей великой поэмы неоднороден в социальном и политическом отношении, что не все короли равны друг другу, не все вассалы принадлежат к одному и тому же социальному слою. В настоящей статье мы намерены проанализировать внутренний состав правящих элит, упомянутых в «Песни о нибелунгах», и установить, каким образом он влияет на процесс принятия политических решений.

В поэме подробно или вскользь описаны взаимодействия шести государств: Нидерландов, Бургундии, Дании, Саксонии, Исландии, гуннской Венгрии, и действуют десять монархов: король Нидерландов Зигмунд и его сын и преемник на престоле Зигфрид, бургундские короли-соправители, братья Гунтер, Гернот и Гизельхер, саксонский король Людегер и его брат Людегаст Датский, правительница Исландии королева Брюнхильда, король гуннов Этцель, прототипом которого послужил «Бич Божий» Атилла, и готский король в изгнании Дитрих Бернский.

За исключением экспатрианта Дитриха, которого обстоятельства заставили принять покровительство Этцеля и стать его вассалом, все прочие короли формально равны по статусу. Но уже при ближайшем рассмотрении это равенство оказывается фиктивным, поскольку противоречит гендерным и семейным ролям, общепринятым в традиционных обществах. Отрекшийся от престола в пользу своего сына, Зигмунд Нидерландский с того же момента перестаёт проявлять политическую активность и принимает только те решения, которые касаются лично его [3, с. 445], и вновь берёт на себя функции контроля и управления только после гибели сына [3, с. 474–475, 478, 480–483], то есть пока Зигфрид был жив, Зигмунд, сохраняя королевский титул и сопряжённые с ним почести, по сути, был не более чем престарелым отцом правящего государя.

Подобная же поколенческая разница соблюдается между бургундскими братьями, из которых только старший, Гунтер на всём протяжении поэмы действует как правящий монарх: он принимает решения относительно объявления войны [3, с. 377–378] и условий мира [3, с. 373, 394], проведения турниров [3, с. 388, 426] и заключения династических браков [3, с. 396, 429, 495], отсылки послов и организации визитов на высшем уровне [3, с. 396–398, 419–420, 441–442, 523–527]. Принципиальнее всего, что именно Гунтер постоянно и настойчиво спрашивает совета у своих вассалов и родни, тогда как Гернот и Гизельхер, наряду с вассалами, лишь высказывают своё мнение в ответ на его вопросы. Вообще, совет и просьба о совете являются важнейшим политическим механизмом и индикатором общественного статуса человека в «Песни о нибелунгах», но об этом мы подробнее будем говорить позже.

Ещё очевиднее гендерно обусловленное различие в статусах Гунтера и Брюнхильды. До своего замужества Брюнхильда пользовалась практически мужским статусом: она правила Исландией, самостоятельно определяла условия, на которых согласна вступить в брак, созывала на совещание вассалов, принимала и контролировала иноземцев в своих владениях [3, с. 405–413]. Однако, выйдя замуж, она вынуждена переуступить Гунтеру власть над собою – сперва политическую, когда позволяет ему увезти себя в Бургундию, отдаёт его вассалу ключи от своей казны и даже назначает блюстителя своего престола только с согласия мужа [3, с. 417–418], а потом и личную – в виде права сексуально распоряжаться ею по собственному желанию и без учёта её мнения [3, с. 435–436].

По контрасту с вышеописанными случаями, короли, не связанные друг с другом семейными иерархическими отношениями, кажутся равными друг другу. Однако и между ними, как мы собираемся доказать, существуют различия. Эти различия основаны не на врождённых статусах, таких как пол или возраст, а на разнице реального политического могущества, и потому они менее очевидны и декларируются на уровне дипломатического протокола при личной встрече. Для иллюстрации этого тезиса сравним положение бургундских королей и Этцеля. Вплоть до финального конфликта, когда гунны истребляют бургундскую дружину, а бургунды в ответ убивают сына Этцеля, между королями с обеих сторон царят самые тёплые и благожелательные отношения. Бургунды расспрашивают гуннских послов о здоровье Этцеля и его супруги, призывают на него Божью милость, хвалят его богатство и влияние [3, с. 493, 494, 499]. Этцель, в свою очередь, ещё щедрее на выражения приязни к шурьям, утверждая, что они ему «милее и дороже, чем кровная родня» [3, с. 529]. Но стоит лишь отвлечься от слов и обратить пристальное внимание на поступки персонажей, и картина сердечного согласия и равноправных отношений начинает рассыпаться.

Первый контакт гуннов с бургундскими королями происходит в ходе сватовства к Крихильде и осуществляется бехларенским маркграфом Рюдигером, человеком знатнейшего происхождения и высочайшей личной репутации. Сватовство закончилось успешно, брак был заключён, и через несколько лет Этцель повторно отправляет в Бургундию посольство с приглашением шурьям на пир. Однако, как ни странно, в этот раз уровень посольства на несколько

порядков ниже: это шпильманы Вербель и Свеммель. Если об их товарище по искусству, бургундском шпильмане Фолькере, автор считает необходимым сообщить, что он был «из признатной, владетельной семьи» [3, с. 523], то о Вербеле и Свеммеле ничего подобного не говорится. Они именно из той низшей прослойки придворных, в чьи функции входит не подавать советы и даже не служить с оружием в руках, а лишь развлекать своего сюзерена. Но даже и эти низкопоставленные гонцы делают попытку отказаться от подарков, которые им преподносят бургундские короли, при этом свой отказ они объясняют личным распоряжением Этцеля [3, с. 527]. Как известно, правила дарообмена, существовавшие в средневековых западноевропейских обществах, предусматривали, что человек более высокого социального положения может и должен делать своим подчинённым или гостям подарки без ответного дара, и только равный по статусу обязан или отдариться, или отклонить дар [1, с. 93–94]. Таким образом, отказываясь от подарков Гунтера, Гернота и Гизельхера, послы-шпильманы декларируют своё равенство с бургундскими королями, что возможно только в одном случае – если бургундские короли являются вассалами их владыки Этцеля.

Допустимо предположить, что самый могущественный монарх Европы, которому служат «две дюжины вассальных князей и королей» [3, с. 511], был склонен считать своим вассалом любого государя, попавшего в сферу его влияния. Подобным же образом, породнившись с бургундскими королями, она начинает обходиться и с ними. В этом свете понятнее становится и само приглашение Гунтеру с братьями на пир. Как подчёркивает Чарльз Баулас в статье «Мобильность, политика и общество в средневековой Германии», немецкие короли и императоры того времени наносили регулярные визиты своим вассалам или вызывали их к себе, поскольку «для осуществления своей воли правитель должен был устанавливать отношения, которые возможно было поддерживать только через частые личные контакты с магнатами, жившими далеко от королевских столиц» [5, с. 277]. Поэтому Этцель, заметив, что его новые родственники за семь лет ни разу не навестили его, отправляет к ним послов, настаивая на визите не позднее ближайшего солнцеворота [3, с. 518].

Когда гости являлись в гуннскую столицу, то на входе во дворец их встречает лишь одна Кримхильда, да и та только за тем, чтобы затеять ссору [3, с. 555]. Анат Копловиц-Брайер, исследовавшая женские образы в поэме, полагает, что выйдя вместо мужа навстречу прибывшим бургундам, Кримхильда тем самым претендует на равное с Этцелем положение в государстве [10, с. 16]. Нам, однако, представляется, что о властных притязаниях и узурпации прерогатив правящего монарха здесь говорить не приходится, так как Этцель сам сознательно снижает статус гостей. Для сравнения вспомним, что во время визитов Зигфрида в Вормс Гунтер со всеми братьями и вассалами выходит встречать его к воротам [3, с. 370] или даже едет ему навстречу [3, с. 447]. Заметим также, что остановившись по пути в Венгрию в Бехларене у графа Рюдигера, бургунды тоже получают изысканно-любезный приём, их встречают задолго до замка, а в пиршественный зал ведут лично граф, графиня и их юная дочь [3, с. 547]. В столице гуннов, напротив, хозяин не изволит встречать гостей у ворот, и в зал их тоже сопровождают вассалы, а не члены семьи Этцеля [3, 563].

В дальнейшем ходе визита небольшие, но чувствительные уколы, направленные на умаление достоинства бургундских королей, продолжают. Предположив, что гостей кто-то оскорбил, Этцель не пробует сам разобраться в ситуации, а прямо предлагает бургундам просить у него защиты и возмещения ущерба [3, с. 569]. Таким образом, его гостеприимство не безусловно, а обусловлено готовностью бургундов обращаться к нему с жалобами и искать его покровительства. Гордые нибелунги отказываются и продолжают движение к неминуемой катастрофе. Чуть позже Этцель просит Гунтера, Гернота и Гизельхера принять на воспитание его сына и наследника Ортлиба [3, с. 575–576]. Но западноевропейские традиции фостеража предполагали в большинстве случаев передачу сына сюзерена на воспитание вассалу или слуге и лишь изредка – равному [8, с. 296–297]. Недаром эта просьба вызывает дерзкий ответ именно у Хагена – главного защитника чести бургундского королевского дома.

Можно ли на основании всего сказанного утверждать, что причиной гибели бургундов стало статусное соперничество с намного более могущественным врагом? Конечно, нет, ведь такое объяснение противоречило бы авторской концепции. Падение бургундов было предопределено нарушением чести, мстью и вышедшим из-под контроля насилием.

Тем не менее, конфликт из-за власти, навязывание вассалитета одной стороной и попытки отстоять свой суверенитет – другой обеспечили вторичную мотивацию этой кровавой драмы.

В заключение нашего обзора статусных различий внутри королевских домов «Песни о нибелунгах» следует проанализировать сложную динамику отношений Зигфрида и братьев-королей. Представляя читателям своих героев, автор в первой аванюре сообщает про Гунтера с братьями, а во второй – про Зигфрида, что они были высокородны, владетельны, богаты, отважны и прославлены. Эта характеристика задаёт приблизительное равенство персонажей. Но равенство продолжается только до тех пор, пока они не приходят в непосредственный контакт друг с другом, и с этого момента начинается явное сотрудничество и тайное состязание. Сначала фаворитом в этом состязании выглядит Зигфрид: опираясь на свою несравненную физическую силу и волшебную неуязвимость, он бросает бургундам неспровоцированный агрессивный вызов, и они теряются, разрываясь между эмоциональным желанием проучить наглеца и рациональным осознанием своей сравнительной слабости. Наконец, умиротворив Зигфрида мягкостью и любезным обхождением [3, с. 371–374], бургунды понемногу начинают менять правила игры.

Используя влюблённость Зигфрида в бургундскую принцессу, манипулятивные и прогностические способности Хагена и привычку Гунтера к политическому лавированию, хозяева начинают использовать гостя в своих интересах. Причём незаметно для себя самого он постепенно соглашается (или даже добровольно берёт на себя) всё менее почётные, всё более унижительные обязанности. Если сначала он командует бургундским войском в войне против саксов и датчан или консультирует Гунтера по вопросам войны, мира и сватовства к исландской королеве [3, с. 374–386, 377, 394, 396–397], то есть действует как друг и высокоранговый вассал, то затем, шаг за шагом, его статус снижают до слуги, ведущего под уздцы королевского коня, или гонца, получающего вознаграждение за добрую весть [3, с. 404, 419–422]. Не более почётна и роль Зигфрида в завоевании Брюнхильды, которая, по выражению исследователя-нибелунговеда К. Кинга, есть не что иное, как «сводничество» [9, с. 44]. И даже добившись своей цели – брака с Кримхильдой, вернувшись на родину и вступив на отчий трон, Зигфрид уже не может вновь встать полностью вровень со своей бургундской родней. Брюнхильда продолжает считать его вассалом и на этом основании требует, чтобы он нанёс визит вормскому двору. По её просьбе Гунтер приглашает Зигфрида в гости, и его послы преодолевают изначальное нежелание Зигфрида и добиваются его согласия на визит. Попутно Зигфрид обещает при необходимости вновь выступить на войну в защиту своих шурьев [3, с. 441–443]. Складывается любопытная ситуация: и бургундские, и нидерландские короли знают, что на самом деле между ними нет институтированных вассально-сюзеренных отношений, но всякий посторонний наблюдатель должен бы был из их поступков и интеракций презюмировать наличие подобных отношений.

Итак, как мы могли убедиться, между королями в «Песне о нибелунгах» возникает и умышленно поддерживается неравенство. Одни из них, как Дитрих Бернский, и «две дюжины князей и королей» юридически являются вассалами, другие оказываются в тайном подчинении у более удачливых монархов. Иными словами, между правящими династиями «Песни о нибелунгах» идёт активная борьба за власть, орудиями которой служат ранее аккумулированное военно-политическое могущество (Этцель), политическое маневрирование (Гунтер при руководящей поддержке Хагена) или физическая сила и вооруженный шантаж (Зигфрид).

Если мы спустимся от королевских домов к их многочисленным вассалам, то обнаружим между ними не менее заметные различия. Во-первых, знать делится на титулованную (маркграфы) и нетитулованную. Во-вторых, есть вассалы, обладающие политическим влиянием, и те, кто такого влияния лишён. При одних дворах эти категории совпадают, а знатность и сопряжённое с ней богатство напрямую конвертируются в объём политических полномочий, при других дворах эти категории совершенно невзаимосвязаны.

Повествование в «Песни о нибелунгах» ведётся преимущественно с бургундской перспективы, поэтому о повседневных операциях других государств мы узнаем весьма немного. Так, ни один вассал нидерландского или исландского королевского дома не упомянут даже по имени или титулу, не говоря уже о самостоятельных действиях. О гуннском дворе мы знаем несколько больше. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что все люди,

обладающие голосом и военным или политическим весом в государстве Этцеля, либо принадлежат к его непосредственной семье, как его жены Хельха и Кримхильда и брат Блөдель, либо относятся к высшей аристократии как король Дитрих Бернский и маркграф Рюдигер. Социальных аутсайдеров здесь нет, вертикальная социальная мобильность если и существует, то только в одном направлении – вниз. Примером такой нисходящей мобильности может служить королевский брат Блөдель. Кримхильда подталкивает его к истреблению бургундской дружины, обещая за это дать ему знатную невесту и марку, то есть сравнять его с графами. И эта награда кажется Блөделю достаточно значимой, чтобы ради неё прогневить своего всемогущего брата и рискнуть своей жизнью в бою [3, с. 574].

Интересной и весьма характерной в социальном плане фигурой является бехларенский маркграф Рюдигер. Он единственный из людей Этцеля исполняет весь спектр вассальных обязанностей при своём сеньоре: он советник, дипломат и воин. Любезный и некичливый, Рюдигер безупречно горд – на всём протяжении поэмы он отказывается принимать у королей деньги за отправление государственных функций. Собираясь ехать в Вормс, чтобы сватать Кримхильду за Этцеля, он не берёт у своего государя денег на путевые и представительские расходы, предпочитая оплачивать всё из собственного кармана. Из того же источника финансируется и путешествие высватанной Кримхильды в Венгрию. При проезде бургундских королей к Этцелю они останавливаются в Бехларене, где маркграф кормит и поит всю их многотысячную свиту в течение трех дней и осыпает их подарками [3, с. 489, 503, 550–551]. Парадоксальная ситуация, когда короли принимают благодарения от графа, а не наоборот. Кроме того, возникает вопрос: откуда у Рюдигера такие деньги? Ведь он утверждает, что он изгнанник в чужой земле и не имеет земель и замков. При этом он даёт за дочь приданое в «сто лошадей с серебряной и золотой казною» [3, с. 548–549] и вообще проявляет фантастическую расточительность.

Мы хотели бы для объяснения этого феномена выдвинуть следующую гипотезу: в мире «Песни о нибелунгах» богатство является производным от знатности. Чем знатнее человек – тем он богаче, независимо от наличия или отсутствия фактических источников поступления финансов. Рюдигер не потому щедр, что богат, он богат потому, что щедр и знатен. Схожим же образом складывается и состояние Кримхильды: как ни старается Хаген, он никак не может её разорить. Он отнимает и топит в Рейне сокровище нибелунгов, но перед самым её браком с Этцелем вдруг обнаруживается, что у невесты осталось «кой-что с тех давних дней, когда покойный Зигфрид на Рейн приехал с ней» [3, с. 502]. И это «кой-что» она пересчитывает целых четыре дня. Хаген вновь изымает у неё казну, и Гернот ухитряется сохранить для неё только тридцать тысяч марок, которые она тотчас раздаёт гуннам. Тем не менее, уже двумя строфами ниже служанки Кримхильды наполняют золотом двенадцать сундуков, да ещё тысячу марок жертвуют на церковь [3, с. 503]. А добравшись до жениха, Кримхильда вновь начинает раздавать золото свадебным гостям, вызывая их восхищение своей щедростью. Вряд ли на это хватило бы тех самых двенадцати сундуков, учитывая, что свадебный пир продолжался семнадцать суток, а гостей было так много, что на их размещение не хватило города Вены [3, с. 513]. Но как Хаген не мог бы лишиться Кримхильду её знатности, так он не может лишиться её и возможности раздавать сокровища.

В отличие от аристократического двора Этцеля, в Вормсе титулы ничего не значат. Здесь всего два маркграфа – Гере и Эккеварт, и оба выполняют в лучшем случае представительские функции, лишённые реального политического значения. Главным образом, они сопровождают королей и принцесс в качестве почётного караула. Основными же политическими и военными акторами выступают люди из клана Хагена: он сам, его брат Данкварт и племянник Ортвин. При этом социальный статус Хагена отличается известной неопределённостью и пограничностью.

Хаген небогат. В путешествия и на турниры его сопровождают только 60 или 80 бойцов, тогда как у Рюдигера их 500, у Дитриха Бернского – 500 или 600 [3, с. 489, 526, 571, 573]. Кроме того, Хаген практически не проявляет щедрости – во всём тексте поэмы он только один раз делает скромный подарок, преподнеся Эккеварту шесть браслетов, да и то только за услуги [3, с. 543–544]. Если наше предположение верно и в социальном мире поэмы знатность автоматически влечёт за собой богатство, то относительная бедность Хагена означает,

что он не слишком знатен. На это косвенно указывает и различие в наименовании его и его родичей. Только сам Хаген именуется Хагеном «из Тронье», тогда как его племянник – Ортвин «из Меца», а его брат Данкварт вообще не упоминается в связи с каким-либо леном или владением. Складывается впечатление, что Тронье – это не наследственное держание, а земля, полученная лично Хагеном за службу. В таком случае, Хаген и его родственники – не вассалы, а скорее министерялы бургундской короны, то есть несвободные рыцари низшей служилой прослойки, которых немецкие монархи охотно использовали в своих войнах, более того – в хозяйстве и администрации. Впрочем, министерялы нередко добивались значительного влияния и положения и сами держали дружины из собственных воинов, среди которых были и свободные рыцари [6, с. 600].

С другой стороны, бургундские короли несколько раз заявляли, что Хаген – их родственник [3, с. 460, 487]. Можно предположить, что это родство было основано на внебрачной связи одним или двумя поколениями выше, как это было в легендах, послуживших сюжетной канвой для поэмы. В этих легендах Хаген – единоутробный брат Гунтера, сына королевы и волшебного существа из inferнального мира. До нас эти легенды дошли посредством скандинавских саг [например: 14, с. 44; 2, с. 295]. Автор «Песни о нибелунгах» счёл эту деталь бесчестящей героя либо маловажной и не стал уточнять, в каком конкретно родстве Хаген состоял со своими монархами [4, с. 131]. И все же, судя по тому, что его племянник Ортвин одновременно является и королевским племянником, они должны быть друг другу братьями или кузенами.

Впрочем, почти неограниченная власть, которой Хаген пользуется в Бургундии, проистекает не из высокого родства, а исключительно из его личных способностей, решительности и хладнокровия. Именно он знает правильный ответ на каждый вопрос, инициирует политические акции, организует и руководит армией. Его союзники и подчинённые – брат Данкварт, племянник Ортвин и близкий друг Фолькер – составляют непосредственное окружение и референтную группу бургундских королей.

Таким образом, в Венгрии и Бургундии мы видим два двора, два политических организма, стратифицированных в соответствии с различными критериями. Если у гуннов близость к государю и участие в политическом процессе обусловлены знатностью и богатством вассала, то в Бургундии практическое управление носит скорее меритократический характер, и талантливые аутсайдеры или бастарды знатных семей имеют все шансы на значительную политическую карьеру. Теперь посмотрим, как эта разница сказывается на процессе принятия политических решений.

Читатель, обращающий внимание на политический аспект «Песни о нибелунгах», не может не заметить странной беспомощности всех фигурирующих в ней королей. Единственный король, проявляющий волю и напор, поступающий решительно и самовольно, – Зигфрид. Но в поэме он действует как герой-одиночка: странствует по свету в компании всего лишь двенадцати воинов, сражается с драконами и подземными жителями, обретает волшебные качества и артефакты, добивается любви прекрасной дамы. Он не правит страной. А в том единственном эпизоде, где он должен принять политическое решение (ехать или нет с визитом к шурьям?) он проявляет ту же странную нерешительность, что и остальные короли, обращаясь за советом к вассалам и позволяя переубедить себя [3, с. 445]. Но настоящий чемпион по колебаниям и сомнениям – бургундский король Гунтер, не предпринявший ни единого шага без предварительного совещания со своими вассалами или гостящим у него Зигфридом. Даже по вопросу о том, сколько парадной одежды шить перед сватовством, он считает нужным посоветоваться с друзьями [3, с. 398].

Чем объяснить такую всеобъемлющую нерешительность? Д. Моуэтт считает её неким родовым признаком, неотъемлемым атрибутом образа короля в средневековой этической и куртуазной литературе. Он пишет: «Гунтер, Артур, Марк – все они суть варианты одной и той же фигуры короля. Они возглавляют, подстегивают, удерживают, регулируют, награждают и наказывают. Все они удивительно неспособны к действию и зависят, по большей части, от своих вассалов» [11, с. 269]. Не отрицая этой литературоведческой интерпретации, мы всё же не считаем её достаточной, и поэтому хотели бы предложить свою объяснительную модель.

С нашей точки зрения, привычка королей в поэме регулярно советоваться с вассалами и родней свидетельствует не столько о безволии, сколько о политическом реализме. Она входит в базовый механизм выработки политических решений, а точнее сказать – она конституирует основу этого механизма. Как утверждает Уильям Джексон, исследовавший насилие в куртуазной литературе: «... необходимость консультироваться с семьей, друзьями и союзниками относительно желательности или оправданности военных действий являлась... формой ограничения, которая сдерживала воинственность индивида» [7, с. 264]. Развивая эту мысль и прилагая её к своему материалу, мы можем постулировать: разумный монарх в «Песни о нибелунгах» не желает остаться с проблемной ситуацией один на один, он предпочитает опираться на широкую сеть поддержки, которую предоставляют ему родня и вассалы. Однако в условиях феодального государства поддержка подданных не понимается сама собой, её приходится создавать путём распределения между вассалами права на выработку решения и, следовательно, ответственности за результаты этого решения. Например, прося у Зигфрида совета, как поступить с пленными королями Саксонии и Дании, и принимая его совет отпустить их под клятву о ненападении [3, с. 394], Гунтер тем самым связывает советчика моральным обязательством выступить на войну в защиту бургундских границ, случись Людегеру и Людегасту нарушить данную клятву. Совещаясь с вассалами, ехать ли ему в гости в Вормс, Зигфрид косвенным образом возлагает на них ответственность за мир и порядок в Нидерландах во время его длительного отсутствия или в каком-либо несчастном случае, могущем произойти с ним в Бургундии. Постоянные просьбы о совете и готовность прислушиваться к чужому мнению говорят не столько о личной нерешительности, сколько об административной компетентности короля.

Рассмотрим механизм принятия решений на двух произвольно выбранных ситуациях из поэмы: Гунтер решает воевать с саксами и датчанами; Гунтер решает свататься к Брюнхильде.

Война с саксами. Людегер и Людегаст присылают в Вормс послов с военной угрозой.

Гунтер спрашивает совета у Гернота и Хагена.

Гернот советует воевать, Хаген указывает на трудности войны и отправляет Гунтера за советом к Зигфриду. Гунтер манипулирует Зигфридом с целью заставить его высказать совет и предложить помощь.

Зигфрид предлагает помощь и оговаривает численность войска и назначения бургундских рыцарей на командные должности в армии [3, с. 375–377].

Сватовство Гунтера. Гунтер узнает об исландской королеве и заочно влюбляется в неё.

Гунтер сообщает о своём желании жениться Зигфриду и Хагену и тем самым побуждает их высказаться по этому поводу.

Зигфрид и Хаген высказывают свои мнения о желательности, возможности и методах осуществления такого предприятия.

Зигфрид требует руку Кримхильды в награду за помощь и консультирует Гунтера насчёт количества и личного состава сопровождающих лиц, а также количества и качества нарядов, которые они должны носить в ходе сватовства [3, с. 397–398].

В этом перечне нетрудно заметить последовательность одних и тех же основных этапов. Итак, в общем виде схема выработки политического решения выглядит так:

Любой актер (государь, вассал, иноземный гость): декларирует наличие проблемы.

Государь: спрашивает совета у вассалов и родственников, инициирует дискуссию.

Вассалы: участвуют в дискуссии, аргументируют свои точки зрения.

Государь: принимает решение.

Государь и вассалы: обсуждают финансирование и кадровое обеспечение принятого решения.

В соответствии с этой схемой просьба о совете, инициатива в дискуссии – прерогатива монарха. И действительно – ни разу в тексте поэмы совета не попросил вассал. Напротив, человек, дающий совет, всегда либо является вассалом в строгом юридическом смысле этого слова, либо, пользуясь формальным равенством, фактически подчинён правящему государю. Так, Гернот и Гизельхер советуют Гунтеру, но сами ни у кого не просят советов. А при первой встрече Зигфрида с бургундами, когда перевес сил и преимущество внезапности были ещё на стороне нидерландца, Гунтер советует ему добиваться своих целей мирным путём, не прибегая

к угрозам [3, с. 373]. Но в дальнейшем, с изменением баланса сил между бургундами и их гостем, все просьбы о совете исходят уже исключительно от Гунтера, все советы – от Зигфрида.

Неудивительно также, что совещания чаще всего происходят именно в Бургундии. Этот двор, как мы помним, опирается преимущественно на талантливых министралов, то есть на людей, способных найти нестандартное решение и дать квалифицированный совет. Поэтому бургундский *modus orandi* высокополитизирован: король неустанно поддерживает общность политической воли среди своих подданных, подданные активно участвуют в разработке решений и все они вместе оказываются в силах решить почти любую проблему без больших людских и репутационных потерь, минимизируя риски и действуя чужими руками.

Тем не менее, по верному наблюдению некоторых исследователей [11, с. 264; 12, с. 167], в конце поэмы мы наблюдаем крушение политического порядка в Бургундии. Консенсус между королями и их главным советником Хагеном оказался потерян, описанный ранее механизм принятия решений начинает пробуксовывать. Гунтер по-прежнему советуется с Хагеном, но уже не слушается его мудрых советов, предпочитая эмоциональные мнения своих братьев [3, с. 496–497, 524–525]. Хаген, в свою очередь, предпринимает ряд самовольных шагов, не добившись на них предварительного согласия короля и уведомляя его только постфактум. К примеру, он отнимает у Кримхильды остаток её казны, убивает перевозчика – подданного баварских правителей, тем самым вызывает вооружённое столкновение с баварцами, насмешками провоцирует Кримхильду и гуннов на начало атаки [3, с. 502, 540–541, 559–576].

Насилие и предательство, оскорблённая женская честь, позорная тайна, душевные раны, жажда мести – все силы хаоса врываются в хорошо отлаженную работу политической машины Бургундии и ломают её, поскольку она оказывается не в силах дать рациональный ответ на эмоциональные вызовы. И лишь в финальном бою, когда цивилизация уже окончательно отступила перед стихией, когда устояли только самые базовые героические ценности – честь и отвага, векторы воли бургундских королей и вассалов вновь совпадают, но теперь они уже направлены не на поиск политических решений, а на достойную смерть с оружием в руках.

Список литературы

1. Байбурин, А. К. У истоков этикета / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Ленинград : Наука, 1990.
2. Краткая повесть о Сигурде // Беовульф. Старшая Эдда. Повесть о нибелунгах. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 293–299.
3. Повесть о нибелунгах // Беовульф. Старшая Эдда. Повесть о нибелунгах. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 357–628.
4. Хойслер, А. Германский героический эпос и сказание о нибелунгах / А. Хойслер. – Москва : Изд-во иностранной лит-ры, 1960.
5. Bowlus, C. R. Mobility, Politics and Society in Medieval Germany / C. R. Bowlus // German Literature of the High Middle Ages. – New York : Camden House, 2006. – P. 277–290.
6. Freed, J. B. Nobles, Ministerials and Knights in the Archdiocese of Salzburg / J. B. Freed // Speculum. – 1987, July. – Vol. 62, № 3. – P. 575–611.
7. Jackson, W. H. Court Literature and Violence in the High Middle Ages / W. H. Jackson // German Literature of the High Middle Ages. – New York : Camden House, 2006. – P. 263–276.
8. Jochens, J. Fosterage / J. Jochens // Women and Gender in Medieval Europe. An Encyclopedia. – New York : Routledge, 2006. – P. 296–297.
9. King, K. C. Das Lied vom hürnen Seyfrid / K. C. King. – Manchester, 1958.
10. Koplowitz-Brier, A. Politics and Presentation of Women in the Nibelungenlied / A. Koplowitz-Brier // Revista de Filologia Alemana. – 2007. – Vol. 15. – P. 9–25.
11. Mowatt, D. G. Studies towards an Interpretation of the Nibelungenlied / D. G. Mowatt // German Life and Letters. – 1961. – Vol. 14, issue 4. – P. 257–270.
12. Samples, S. The German Heroic Narratives / S. Samples // German Literature of the High Middle Ages. – New York : Camden House, 2006. – P. 161–184.
13. Scaglione, A. Courtliness, Chivalry, and Courtesy from Ottonian Germany to the Italian Renaissance / A. Scaglione. – Berkeley : University of California Press, 1992.
14. The Saga of Thidrek of Bern / translated by Edward R. Haymes. – New York : Garland, 1988.

References

1. Bayburin A. K., Toporkov A. L. *U istokov etiketa* [At the source of etiquette]. Leningrad, Nauka Publ. House, 1990.
2. Kratkaya pesn o Sigurde [A short song about Sigurd]. *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn o nibelungakh* [Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. House, 1975, pp. 293–299.
3. Pesn o nibelungakh [Song of the Nibelungs]. *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn o nibelungakh* [Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. House, 1975, pp. 357–628.
4. Khoysler A. *Germanskiy geroicheskiy epos i skazanie o nibelungakh* [The Germanic heroic epic and the legend of the Nibelungs]. Moscow, Foreign Literature Publ. House, 1960.
5. Bowlus C. R. Mobility, Politics and Society in Medieval Germany. *German Literature of the High Middle Ages*. New York, Camden House Publ., 2006, pp. 277–290.
6. Freed J. B. Nobles, Ministerials and Knights in the Archdiocese of Salzburg. *Speculum*, 1987, July, vol. 62, no. 3, pp. 575–611.
7. Jackson W. H. Court Literature and Violence in the High Middle Ages. *German Literature of the High Middle Ages*. New York, Camden House Publ., 2006, pp. 263–276.
8. Jochens J. Fosterage. *Women and Gender in Medieval Europe. An Encyclopedia*. New York, Routledge Publ. House, 2006, pp. 296–297.
9. King K. C. *Das Lied vom hürnen Seyfrid* [The Song of the Hearing, Seyfrid]. Manchester, 1958.
10. Koplowitz-Brier A. Politics and Presentation of Women in the Nibelungenlied. *Revista de Fillogia Alemana*, 2007, vol. 15, pp. 9–25.
11. Mowatt D. G. Studies towards an Interpretation of the Nibelungenlied. *German Life and Letters*, 1961, vol. 14, issue 4, pp. 257–270.
12. Samples S. The German Heroic Narratives. *German Literature of the High Middle Ages*. New York, Camden House Publ., 2006, pp. 161–184.
13. Scaglione A. *Courtliness, Chivalry, and Courtesy from Ottonian Germany to the Italian Renaissance*. Berkley, University of California Press, 1992.
14. *The Saga of Thidrek of Bern*. Translated by Edward R. Haymes. New York, Garland Publ. House, 1988.